

Зинаида Кириенко

Наверное, с ее-то внешностью, с ее вокалом **Зинаида КИРИЕНКО** могла блистать в восхитительно легких мюзиклах и комедиях. Но мы знаем ее по фильмам, где страданий — без меры и жизнь — у последней черты. Наталья Мелехова из «Тихого Дона», непридуманная Александра Федоровна Перегонец в «Они были актерами», Ефросинья в «Любви земной» и «Судьбе»... Разные времена, разные характеры, а общее — неброское, не напоказ достоинство. Достоинство или недостойно человека — этот критерий очень важен для Кириенко. И когда уже не в кино, а в жизни понадобилось защитить достоинство актерской профессии, она не осталась в стороне.

— Зинаида Михайловна, в конце прошлого года вас выбрали председателем правления Московского театра «Киноактер». Что происходит сейчас в доме на улице Воровского?

— То же, что и во всей стране. Борьба за более плодотворную, интересную, основанную на принципах демократии жизнь.

Мы хотим создать театр, который станет для актеров родным домом. На двух его сценах должны рождаться не только спектакли, а еще и таланты. У нас замечательные актеры, настоящие «звезды». Но сейчас они зависят от назначенного сверху директора. Они играют в нищенских никак не оформленных постановках. Об их судьбе никто не заботится, и сколько по этой причине несостоявшихся, нераскрывшихся, загубленных дарований! Разве нормально, что в театре киноактеров нет музея, где была бы сосредоточена история советского кино? Нельзя же так все обесценивать.

— Сегодня весьма активно идет процесс переоценки ценностей прошлого, в том числе и кинематографических...

— Можно историю переоценивать, пересматривать, ругать. Однако нельзя отрицать огромное духовное богатство, созданное несколькими поколениями актеров нашего кино. Я не противница современного кинематографа, но согласитесь, что в сегодняшней, такой жестокой жизни очевидна притягательность многих старых лент. Секрет ее в добрых человеческих отношениях и мечте. Большинство же так называемых коммерческих фильмов вместо мечты предлагает тупик и безысходность. Нет, я не думаю, что «чернуху» следует запрещать. Она пройдет как определенная стадия болезни, и тогда наступит возрождение мечты, идеала. Потому что без мечты и стремления к прекрасному искусство обречено.

— «Чернухой» порой именуют суровую правду жизни, а нас этой правды так долго лишали!.. Вы снимались в фильмах по произведениям Шолохова, были знакомы с Михаилом Александровичем. Изменилось ли что-то в вашем восприятии его как писателя и человека после некоторых публикаций недавнего времени? В частности, посвященных отношениям Шолохова с братьями по перу.

— Сложно разбираться в отношениях людей, давно от нас ушедших. Думаю, оценивать творца Шолохова или кого-то еще в зависимости от того, как он относился к кому бы то ни было, занятие пустое и даже безразличное. Ну почему он должен был поступать так, как мы сейчас считаем следовало поступать? Справедливо ли переносить наши сегодняшние оценки туда, где были совсем другие обстоятельства? Творца надо судить по тому, что им создано. Только так.

— А Шолохов это все-таки «Тихий Дон».

— Не «все-таки». «Тихий Дон» — это один из величайших романов века. Он еще недооценен, и как раз потому, что не успел отойти в историю. Придет время — забудутся сомнения, слухи, дразги, и Шолохов займет свое место рядом с вершинами прошлых столетий. Прежде всего как создатель «Тихого Дона». Тут другое непонятно: как мог Сталин, этот верховный критик, и читатели пропустить такую книгу, такого Григория, который все круги ада прошел, и белых бил, и красных? Известно, что в какой-то момент судьба Шолохова висела на волоске. Сложись обстоятельства чуть иначе, стал бы еще одной жертвой террора.

— Вскоре после роли казачки Натальи Мелеховой вы впервые оказались в Америке. Это было сильное потрясение?

— Очень сильное. Но, пожалуй, не меньшее испытываешь сегодня, сравнивая те встречи с нынешними. Я имею в виду тему ностальгии. В Филадельфии нашу делегацию советской молодежи принимал мэр. Возле него стоял пожилой господин, и вот он представился: «Мистер Черри, по-русски Вишня». У него были какие-то удивительные, в крапинку, глаза. Он плакал, он не мог насмотреться на нас и все повторял: «Я так хочу в Россию». Но мы видели в этом человеке эмигранта, наверняка белого офицера, который убивал наших. И это чувство заглушало жалость. Были и другие встречи с людьми, лишившимися родины, а вместе с нею смысла жизни. В прошлом году я дважды была в Америке. От первой волны эмиграции почти никого не осталось. А новые... Наверное, и среди них есть те, кто мучительно тоскует, но я их не увидела. Люди уехали добровольно и теперь нам, оставшимся, сочувствуют.

— Можно ли их за это винить?

— Не суди и не судим будешь, — сказано в мудрейшей из книг. И меня можно осуждать за то, что тридцать лет назад так отнеслась к русскому мистеру Черри. А иначе я просто не могла. Так мы были воспитаны. Вот что значит история и оценки из другого времени!

— Вы играли женщин, живших в эпоху жесточайшей борьбы за грядущий социалистический рай. Возможно ли сегодня сохранять веру в социализм?

— Без веры жить невозможно. Я верю, что наша жизнь должна измениться к лучшему. Верю, что будет покончено с системой, плодящей лодырей и позволяющей никчемному, бездарному стоять на одной ступеньке с талантливым, трудолюбивым. Такое «равенство» просто аморально.

Тогда, в 59-м, в Америке нас ошеломили магазины. Но мы были «политически грамотные» молодые люди и верили, что при капитализме все принадлежит горстке богачей. Обидно, что и сегодня наши люди даже не представляют, какой может быть нормальная жизнь. Я никогда не могла понять, как же те, от кого зависит благополучие страны, разъезжали по белу свету, все видели, всем пользовались, но возвращались домой, и все оставалось лишь их личными впечатлениями, а средства массовой информации как ни в чем не бывало продолжали твердить про «загнивание». Дело же не в словах «социализм», «капитализм»!

— Радикальные меры многих пугают.

— Но иначе ничего хорошего не выйдет. Наши люди приучены бояться перемен. Пусть на воде с хлебом, лишь бы ничего не менялось, лишь бы меня не трогали. Такое и в актерской среде не редкость, но когда психология раба побеждает в государственном масштабе — это тупик и гибель государств. Радикализм, конечно, не означает, что надо хвататься за обрезы. Нет — долгий, тяжелый труд, борьба убеждений, а там, где нужно, употребить силу коллектива, силу народа. Пора перестать быть пешками. Не рабское, механическое исполнение обязанностей, но одухотворенный, осмысленный труд! Я уверена, что демократические преобразования в нашей стране создадут условия для возрождения свободного, духовно богатого, наполненного добром, желанием жить и любить человека.

Автограф взяла
М. РУБАНЦЕВА.